

Рут и так приходится нелегко с этой сворой демонов, и каждое сказанное здесь слово наверняка станет известно им.

Стенли Эллин. Восьмой круг

ПРОЛОГ

Вечерняя заря угасала на западе.

Последние отблески падали на уступы Скалистых гор, словно лепестки дикой розы. Темнели, превращались в давленную вишню, подергивались пеплом. Ночь заявляла свои права на участок, оформленный по всем правилам в земельном управлении небесной канцелярии по два с половиной доллара за акр, — Великие равнины, моря бизоньей травы, холмистые предгорья, поросшие саскатуном и можжевельником, суровые пески Красной пустыни на юге, край бесчисленных озер и сосновых лесов, что раскинулся к северу.

Боясь замарать перышки, ущербная луна вскарабкалась повыше. В ее присутствии звезды тускнели, утрачивали блеск, делаясь едва различимыми. Желтый совиный глаз не мигая взирал на прерию, высматривая поживу. В любую секунду луна была готова распахнуть крылья, сорваться с места и камнем упасть на добычу.

Одинокий всадник ехал шагом.

Здесь, на краю индейской территории, мало кто рисковал путешествовать в одиночку. А в темное время суток — считай, никто. Однако всадник, похоже, не был обеспокоен. Руки его лежали на луке седла, перебирая повод, как священник перебирает четки. Тень от шляпы, низко надвинутой на лоб, не позволяла разглядеть лицо. Бледный свет луны не мог справиться с этой упрямой тенью.

Пользуясь случаем, лошадь на ходу опускала морду, срывая метелку дикого овса или пучок сочных, налившихся молочной мякотью колосков житняка. Всадник ей в этом не то чтобы потворствовал, но по крайней мере не мешал.

Воздух наполнился запахами чабреца, полыни и шалфея. Время от времени все это забивал аромат цветущих флоксов. Прохладный ветер играл с полами расстегнутой куртки всадника, но сил его хватало только на бахрому. Качнуть как следует плотную воловью кожу у ветра не получалось. Утомившись, он чуткими пальцами огладил две кобуры с револьверами — и унесся прочь, в сторону Элмер-Крик.

Застегнутые клапаны кобур ясно говорили о том, что их хозяин не ждет нападения.

Впереди показалось одинокое строение. В мутном окне теплился желтый огонек — младший брат луны. Одиночество хибары было обманчивым — подъехав ближе, любой обнаружил бы в ста ярдах от нее две дюжины времянок, собранных на скорую руку. В дело пошли обломки досок, листы кровельной жести, куски брезента, бычьи шкуры, старые и потрескавшиеся, сланец, ветки, бревна, какие помельче.

Крыша над головой есть? Ветер не задувает?

Ну и ладно.

Облавной дугой времянки обступали по краю неглубокий котлован. На дне котлована копилась смола — ночная тьма. Она казалась жирной, маслянистой, гуще ночи, павшей на прерию. Неудивительно: к запахам растений здесь явственно примешивался тяжкий дух сырой нефти, а в черных тенях тускло отблескивала металлическая конструкция, напоминавшая гигантского палочника — нефтяной насос.

Всадник тронул повод.

Лошадь послушно взяла левее, обходя нефтепромысел. Копыта ступали мягко, звук был глухой, тихий, едва

слышный с десяти ярдов. Подберись кто-нибудь к всаднику, обнаружил бы, что все четыре лошадиные ноги тщательно обмотаны тряпками.

Быть услышанным всадник не желал.

Оставив промысел за спиной, он двинулся вглубь индейских земель. Трижды останавливался, слушал ночную музыку. Шорох травы под ветром. Далекое тьяканье койота. Шелест крыльев нетопыря, перечеркнувшего щербатый лунный диск. Вздохи камыша на берегу реки.

Дыхание людей.

Дозор шошонов, притаившийся в высокой траве, знал, что белый человек не способен их видеть или слышать. Тем не менее по спинам воинов пробежал зябкий холодок. Этот бледнолицый — не дух ли он? Старики говорили, после полуночи в здешних краях можно встретить коварных *нинимби*, только прикидывающихся людьми.

Зазеваешься, наградят лихорадкой.

Всадник тронул лошадь пятками. Он проехал в двадцати шагах от шошонского дозора, углубился в прерию еще на полмили, а потом свернул на восток. Он возвращался обратно, но не тем путем, которым прибыл. В сторону индейцев всадник даже не взглянул.

Путь вывел его опять к нефтепромыслу, но теперь индейская территория осталась у всадника за спиной. Спешившись в узкой ложбинке, он стреножил лошадь и змеей скользнул вверх по склону.

Вскоре он уже лежал на краю котлована. Удовлетворенный темнотой и безмолвием, царившими вокруг, больше не прячась, встал в полный рост. Извлек из-под куртки кожаный мешочек, развязал шнурок. С холодным любопытством луна глядела через его плечо на пук промасленных тряпок. Человек взвесил тряпье на ладони: похоже, оно было достаточно тяжелым. Не иначе внутри притаился камень или кусок железа.

Чиркнула спичка. С шипением вспыхнул огонек, исходя вонючим сернистым дымом. Тряпки занялись сразу. Широко размахнувшись, человек швырнул горящий комок в самый центр котлована. Можно было подумать, с неба упала звезда.

Когда полыхнуло жаркое пламя, на склоне уже никого не было.

Часть первая

**НЕСЧАСТЬЕ
ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОГО
КАЛИБРА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Дюжина несчастных случаев. — Знание жизни. —
Орел и решка. — Служить и защищать! —
Мазурка ля минор. — Вы меня не узнаете?*

1

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

- Три несчастья, Абрахам.
- Больших или малых, мисс Шиммер?
- Три малых.
- Уверены?
- Ты и ангела испустишь. Два малых и одно большое.

Лавка просторная, хоть танцы устраивай. В окнах пляшут лучи утреннего солнца, врываются под крышу, играют в чехарду на полированном металле оружия. Самые дерзкие крадутся в дальний от дверей угол, рассыпаются гурьбой веселых зайчиков. Их манит стойка с магазинными карабинами, помеченными клеймом компании «Winchester Repeating Arms», однозарядным «ремингтоном» и винтовкой Генри — старой, дешевой и безотказной, как шляха в салуне «У Счастливого Джо».

Дюжина револьверов, словно отряд федеральных маршалов, дремлет в тени, на полках высокого орехового шкафа с застекленными дверцами. Стена напротив шкафа истыкана крючками и гвоздями. Ее оккупировали кожаные патронташи и широкие пояса с пряжками из стали и латуни. Каждый пояс снабжен новенькой скрипучей кобурой.

Есть в них что-то от кубла гремучих змей, а может, от связок колбас, висящих в погребе. Тут все зависит от воображения и жизненного опыта зрителя.

— У вас тридцать восьмой, как обычно?

— Я не меняю привычек.

— Вот, пожалуйста.

Три блестящих патрона бок о бок встают на прилавок: троица солдат. Новенькая, с иголки, форма; округлые каски. Нет, солдаты здесь ни при чем. Три стопки виски, выставленные услужливым барменом. Рано или поздно у кого-то будет жестокое похмелье.

— Еще что-то?

— Дюжину несчастных случаев.

— Прекрасный выбор. Несчастные случаи — наш конек.

— И шесть проклятий.

— Все как вы любите, мисс Шиммер. С вас один доллар восемьдесят пять центов.

— Ты шутишь?!

— С кого другого я бы взял два доллара десять центов, а то и два с половиной. Постоянным клиентам скидка. Кстати, в продаже имеются отличные «черные полосы». На днях с почтовым дилижансом завезли из Майн-Сити, напрямиком с центрального склада компании.

— С дилижансом?

— Они согласились взять ящик-другой. Желаете?

— Парочку. И выбери потемнее!

— Они все темны как ночь. Два доллара ровно, только для вас.

Рут сгребает патроны, бросает в карман пыльника. Взамен она швыряет на прилавок горсть монет по пять, десять и двадцать пять центов. Она ждет, что Абрахам, тощий старик в черном расстегнутом жилете, надетом поверх клетчатой рубашки, пересчитает деньги. Она всегда ждет этого, зная, что не дождется. Такая игра. Улы-

баясь, Абрахам смахивает деньги в ящик под прилавком. Он двигается с живостью, не свойственной его почтенному возрасту.

Ящик он запрет на ключ, когда Рут выйдет на улицу.

«Абрахам Зинник: все для шансфайтеров». Оружейные лавки с такими вывесками Рут встречала повсюду, от Небраски до Техаса. Можно сказать, они преследуют Рут Шиммер.

— Скажи, Абрахам...

Торговец удивлен. Сделка состоялась, но клиентка задерживается. Клиентка хочет поболтать? Оружейная лавка — не лучшее место для досужих разговоров. Здесь слишком много оружия, это наводит на дурные мысли.

— Как тебя зовут на самом деле?

— Разве это имеет значение, мисс Шиммер? Когда мы нанимаемся на работу, первое, в чем мы обязуемся, — откликаться на имя Абрахам. Мистер Зинник говорит, что это визитная карточка фирмы.

— Зачем? Странное обязательство.

— Вам так проще. Я имею в виду, вам, клиентам.

Рут достает револьвер из кобуры. Лицо Абрахама остается спокойным, на губах возникает легкая улыбка. Торговец не тот человек, чтобы счесть это движение угрозой. Да и Рут Шиммер не тот человек, чтобы заинтересоваться содержимым денежного ящика. Задумчиво покусывая нижнюю губу, Абрахам следит, как Рут возвращает купленные патроны из кармана на прилавок.

Не все, только шесть.

Два несчастья, два проклятия, две «черные полосы».

Патроны похожи друг на друга, как близнецы. Никакой маркировки, пояснительных надписей на гильзах. Зачем? Абрахам прекрасно знает, что именно лежит на прилавке. Шестое чувство, чутье торговца, обслуживающего шансфайтеров, сродни чутью самих шансфайтеров, иначе и быть не может. То же чутье говорит Абрахаму, что шансер клиентки — левый револьвер, сказали

бы стрелки, чуждые шансфайтерству, — пустой, но это продлится недолго.

Он прав. Рут начинает заряжать револьвер.

Всем своим поведением женщина демонстрирует, что никуда не торопится. Один за другим патроны занимают места в каморах барабана. Рут способна опознать назначение каждого заряда, где бы он ни был — на прилавке или в револьвере. Черт возьми! Спроси Абрахам, и она без ошибки ответит, что первым вылетит из ствола, вздумай она стрелять.

— «Молния», — произносит Абрахам.

Рут кивает. В ее руках «Молния» — вороненый кольт тридцать восьмого калибра. В солнечном свете ствол отливает синевой. Полтора фунта с патронами, лучше не придумаешь для женской руки.

— «Молния», — повторяет Абрахам. — Отличное название.

Дверца для заряжания со щелчком встает на место, скрывая патроны от досужих взглядов.

— Я не люблю похабных шуток, — предупреждает Рут.

Рукоять шансера изготовлена в форме изящной птичьей головки. Щечки из темного кедра с рубчатой насечкой. В верхней части рукояти изображен мустанг, заключенный в овал. Мустанг встал на дыбы, перед мордой развевается прядь гривы, делая животное похожим на единорога.

У мустанга торчит возбужденный член. Дураки, встречавшиеся Рут чаще, чем хотелось бы, связывают название с этим членом. «Молния», хохочут они. Эй, красотка, отличный выбор! В краях, где мужчины и женщины каждый день имеют дело со скотом, жеребец, готовый покрыть кобылу, — обычное дело. Ничего такого, что смутило бы даже ребенка. Но скотство есть скотство, люди готовы делать его из чего угодно.

Абрахам разводит руками. И в мыслях не держал, показывает он. За кого вы меня принимаете?

— Ты меня впервые видишь. Тем не менее, — Рут опускает шансер в кобуру, — когда я вошла, ты сразу стал звать меня мисс Шиммер. Откуда ты узнал, кто я?

— Когда мы нанимаемся на работу в фирму мистера Зинника, второе наше обязательство — держать язык за зубами. Извините, мисс Шиммер, ничего личного. Но ради вашего расположения я рискну объясниться. Вокруг не слишком много женщин, избравших вашу профессию. Кроме вас, я слышал только о Веселой Мэри. Ее убили в прошлом году на Мормонской тропе.

— Да? Жаль.

— Мне тоже. Она не скупилась на чаевые.

— Поэтому ее убили, а я еще жива. Как тебе мое чувство юмора?

— Юмор? Я бы сказал, знание жизни. Как вам мой жилет, мисс Шиммер?

Старик оглаживает жилет ладонями. Застегивает пуговицы.

— Этот фасон был в моде еще до того, как Адама с Евой изгнали из рая. Почему ты спрашиваешь?

— Ваш пыльник вышел из той же допотопной мастерской. Он на два размера больше, чем следовало бы. Широкий в плечах, висит ниже колен. На разрезе сзади не хватает трети пуговиц. Заштопан в десяти местах...

— Ты забыл упомянуть отвратительную полосатую подкладку. И этот цвет... Слежавшийся песок приятней для глаз. Мой пыльник давно заслуживает места на свалке.

— Почему же вы его не выбросите?

— Не твое дело.

— Отличный ответ, мисс Шиммер. В сущности, на ваши вопросы я ответил точно так же, только другими словами. И говоря о молнии, я не имел в виду конские стати клейма. Я ценю оружие за другие достоинства.

— Это пыльник моего дяди. Это память.

— Благодарю за откровенность. Я польщен вашим доверием.

— Всего доброго, Абрахам, или кто ты там.

— Удачного дня, мисс Шиммер.

Рут выходит из лавки. У нее скверное настроение. Разговор с торговцем тут ни при чем. Напротив, беседа с Абрахамом пришлась очень кстати. До нее настроение Рут Шиммер было отвратительным, а сейчас просто скверное.

Прогресс, думает Рут.

Ветер несет пыль вдоль улицы. Пыль рыжая, улица пустая.

2

Джоша Редман по прозвищу Малыш

Призрачный шарик жужжит, вертится на столе. Луч солнца дробится, споткнувшись об него, рассыпает по комнате блики. На миг шарик вспыхивает. Джош моргает, поймав слепящий сполох; щурится, трет левый глаз. Шарик замедляет вращение, превращается в серебряный моргановский¹ доллар. Монета крутится на ребре, начинает вихлять как пьяная, заваливается набок. Глухой дребезг, постукивание. Доллар выписывает еще десяток-другой затухающих восьмерок.

Успокаивается, лежит смирно.

— Решка! — возвещает Сэм Грэйв.

Он одаривает Джоша улыбкой — такой, что впору снова тереть глаз. Улыбка у Сэма отличная, честная. Без подленькой хитрецы, гадкой угодливости. Зубы белые-белые. Чистый сахар по контрасту с лоснящейся физиономией цвета сапожной ваксы. Шутят, что мамаша по утрам умывала его нефтью.

Да, Сэм — черный. Сэм мечет нож лучше всех в Элмер-Крик.

¹ *Серебряный моргановский доллар* — серебряная долларовая монета, которую начали чеканить в 1878 г.

Что-то не так, сэр?

— Я выиграл! Твоя дальняя часть города.

— Иди к черту, Сэм.

Джош бросает косой взгляд в сторону окна. Там, полускрыт колышущейся занавеской, стоит его *тахтон*. С годами тахтон стал чертовски похож на Джоша: лицом, статью, повадками. Это увидел бы всякий и, возможно, удивился бы, да вот незадача: никто не видит тахтона. Никто, кроме Джоша. Даже Сэм, а уж Сэм подмечает все на свете! Перышко, вырванное из воробьиного хвоста, прилипло к морде кошки — Сэм приметил его с двадцати шагов. А тахтона для Сэма нет, хоть пялся в упор! Тахтон есть только для Джоша, и спасибо Господу за это, леди и джентльмены. Почему? Ну, хотя бы потому, что иначе Джош затруднился бы объяснить кое-какие вещи.

Воображаемый друг. Верный спутник.

Ангел-хранитель.

Иногда Джош сомневается насчет ангела. Но если судьба в трудную минуту сунет вам в руку заряженный револьвер, станете ли вы капризничать? Выяснить, кто его изготовил: полковник Сэмюэль Кольт или кузнец Элифалет Ремингтон? Вот-вот, господа хорошие: сперва мы будем стрелять, а потом разбираться. Нет, потом мы тоже будем стрелять.

«Ты куда смотрел? — беззвучно, одними губами спрашивает Джош. Произнеси он это вслух, прозвучало бы как упрек. — Решка? Как ты мог допустить?!»

Тахтон пожимает плечами. Орел? Решка? Джош, ты действительно считаешь, что я буду заниматься такими пустяками? Ты меня совсем не уважаешь, приятель. Поди заколоти револьвером гвоздь. Прибей рукоятью муравья. Пальни из пушки по ласточкам.

Вид у тахтона обиженный, но это притворство.

Знак: отстань и не досаждай.

— Иди к черту, Сэм, — повторяет Джош.

— От Ривер-роуд до Шанхая. О, масса Джош, вы просто везунчик!

И снова рот до ушей.

Джош не выдерживает, улыбается в ответ. Он проиграл. На его долю выпала дальняя часть города. Там салун «У Счастливого Джо», где вечно случается какое-нибудь дерьмо. Но Сэм радуется так искренне, что ответить ему мрачным взглядом значит гореть в аду за грехи свои. Сказать по правде, Джош завидует этому парню.

Кто самый счастливый человек на белом свете? Вот он, перед вами.

Не верите, сэр? Думаете, Сэм Грэйв дурачок? Блаженный? Желаете над ним поглумиться? Это вы зря. Тут вам бизонья Осмака, а не цыплячий Кентукки. Кулак у Сэма — что твоя кувалда. Звезды давно видели? Средь бела дня, а?! И одна из них — звезда помощника шерифа на груди бравого мистера Грэйва. Кому охота, чтобы у него в ухе гремел церковный колокол? Вам неохота? У вас есть здравый смысл, сэр.

Скажем по секрету: кое-кто, случилось, нарывался.

— Ну что, масса Джош, пора на службу?

— А посуду мыть кто будет? Генерал Хэнкок?

— А воду таскать?

— Сегодня твоя очередь.

— Ок, я таскаю, ты моешь.

Вдвоем дело спорится. Один воду от колонки носит, другой тарелки моет. Один бекон жарит, яйцом заливает, другой в доме прибирает. Один, другой... Грешно так говорить, но старый Фред Вестингауз, земля ему пухом, очень вовремя богу душу отдал. Наследников у Фреда не нашлось, завещания он не оставил, дом перешел в городскую собственность и в итоге достался Джошу с Сэмом.

Служишь городу — получи от города хлеб и кров. Все по-честному. Шериф Дрекстон, конечно, тот еще трудяга-законник. Чтобы он задницу от кресла оторвал, Содом Гоморрой накрыться должен, не меньше. Однако

Джош с Сэмом его сообща допинали: отправился к мэру — аж через площадь! Договорился насчет крыши над головой для своих подчиненных.

Домишко неказистый, но крепкий. Пара комнат, кухня, чердак. Узенькая веранда восьми шагов в длину. Крышу перекрыли, не течет. Все лучше, чем в клоповнике «Меблированных комнат миссис Дженкинс». И платить за жилье не нужно: дом муниципальный, а мы на службе.

Шестьдесят пять центов в день на брата. Такие деньги на дороге не валяются. Нет, сэр, не валяются! А если валяются, покажите мне где, сэр?

— В полдень в конторе?

— Как обычно.

Удачи друг другу желать — только время зря тратить. Что может случиться в Элмер-Крик до полудня? Вот вечером, когда стемнеет, — другое дело. Тут не зевай! Без смертоубийств, к счастью, обходимся. Четверка помощников шерифа бдит; пятый, Соммс, не в счет. Соммс третий год подряд сторожит тюрьму — ряд тесных камер в одном здании с конторой шерифа. Сторожит? Дрыхнет без задних ног, взгромоздив эти самые задние ноги на подоконник. Отдыхает после битв с зеленым змием.

Дрекстону он приходится дальним родичем, вот и не выгоняет.

Сэм уходит первым. Джош не двигается с места. Достает два «ремингтона» сорок четвертого калибра. Курки — на предохранительный взвод. Открыть зарядные дверки. Прокрутить ладонью барабаны: один, другой. Прислушаться к масляным щелчкам. Не заедает, ход мягкий, звук правильный. Теперь можно и зарядить. Да, сэр! Оружие следует содержать в исправности и проверять каждое утро. Это нынче служба — не бей лежачего. А еще года три-четыре назад...

Что было, то воды Змеиной реки унесли. Сейчас Джошуа Редман — законопослушный гражданин; более

того, представитель закона! И это нам нравится. Да, сэр! Очень нравится! Приличное жалованье, крыша над головой, уважение.

Работенка непыльная.

В приоткрытую дверь врывается ветер. Швыряет в лицо пригоршню ржавчины — вездесущей осмакской¹ пыли. Ну да, непыльная работенка! Джош отчаянно чихает. Прочихавшись, ухмыляется. Что сегодня способно испортить ему настроение?

Ничто!

Он протирает револьверы тряпкой. Физиономию — полотенцем. Любуется на свое отражение в мутной луже треснутого зеркала. Привычно вздрагивает: всякий раз мерещится, что трещина — шрам через все лицо, как от лихого сабельного удара.

Ритуал выполнен.

Вперед, служить и защищать!

Тахтон отлипает от окна, смеется. К чему Джош так и не привык, это к тахтоньему смеху. Всякий раз невпопад, будто джига на похоронах. Кудахчет курицей! Джош грозит тахтону кулаком, тот отмахивается. Ладно, мол, тебе. Не нравится, не буду смеяться.

Он всегда обещает. И всегда обманывает.

3

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

«Белая лошадь».

На вывеске, прямо под надписью, лошадь. Плод художественных усилий маляра, когда-то она была белой. Сейчас облупленная, в царапинах и пятнах.

Деревянные стены, каменный фундамент. Два этажа. Первый — салун, второй — комнаты для шлюх и посто-

¹ *Осмака* (Ósmaka) — «долина» на языках индейцев дакота и лакота. Название территории на краю фронта, где расположен город Элмер-Крик.

яльцев. Из дальнего окна свешиваются чьи-то стиранные подштанники. Полощутся на ветру, хотят улететь.

Двери: крылья летучей мыши. По центру дырка-сердце.

Рут входит в салун. Мышь за ее спиной долго хлопает крыльями. Можно подумать, это подштанники влетели следом. С минуту Рут стоит неподвижно. Ждет, пока глаза привыкнут к сумраку, слушает музыку. Что это? Песни из экстраваганцы¹ «Мрачный жулик» в переложении для рояля. Четырнадцать лет назад была премьера в «Нибло-Гарден», об этом писали в газетах, заказ нот с доставкой на дом...

Все, хватит.

Долой воспоминания! Мало ли что там было четырнадцать лет назад? Слишком давно, слишком больно. Хочешь этой ночью видеть кошмары? Не хочешь, только кто тебя спрашивает...

Она проходит через салун, не глядя по сторонам. Поднимается на крошечную, размером с чайное блюдце, эстраду. Садится на свободный стул рядом с тапером. Дряхлый старик, тапер не делает ей замечания. Он вообще ничего не замечает вокруг. Пьян? Судя по дыханию, да. В тапере живы только руки, длинные пальцы с распухшими от возраста суставами.

Руки взлетают над клавиатурой и больше не возвращаются. Тапер берет стакан с виски, делает глоток. Тапер отдыхает. «Мрачный жулик», четырнадцать лет назад. Что там было еще, кроме «Мрачного жулика»?

Удивляясь самой себе, Рут начинает играть. Ей неудобно. По-хорошему, тапера следовало бы подвинуть. Музыка приходит сама, но беглость пальцев ушла безвозвратно. Кажется, что суставы распухли не у тапера, а у вас, мисс Шиммер.

Черный лак инструмента. Царапины.

Подпалины от окурков.

¹ *Экстраваганца* — театральная постановка, предок мюзикла.

Не выпуская стакана, тапер щекочет клавиши левой рукой. Помогает. Временами он рокочет басами в духе негритянских духовных песен, но это так, шутка. Каждый развлекается на свой манер.

С помощью старика Рут добирается до конца дороги.

— Шопен, — с отвращением произносит тапер. Глаза его закрыты. Видно, как под черепашьими веками движутся глазные яблоки. — Мазурка ля минор. Крошка, с чего ты решила, будто умеешь играть?

Рут пожимает плечами. Ей нечего сказать.

— Однажды я решил, что умею стрелять. — Смех у тапера скрипуч, как несмазанные дверные петли. — Эта глупость вышла мне боком. Ты отделалась легче, ты везучая.

Рут встает.

— Спасибо, — говорит она.

— Десять лет, — отвечает тапер.

— Четырнадцать, — машинально поправляет Рут.

И приходит в себя:

— Что? О чем вы, мистер?!

— Десять лет, мисс. Вы заходили в «Белую лошадь» десять лет назад. Я был моложе, мое зрение еще не угасло. Я запомнил вас. Сейчас я вас не вижу, но помню эту искалеченную мазурку. Вы сели рядом со мной и заиграли Шопена. Так же бездарно, как сейчас. У вас какие-то счеты с Шопеном? Личная вражда?

Надо же! Рут действительно была в салуне десять лет назад. Играла мазурку? Нет, этого она не помнит. Дядя Том был жив, они ездили вместе. При жизни дяди Тома все было иначе. Когда ты чувствуешь себя защищенной, это и есть жизнь.

Когда ты всего лишь умеешь защищаться, это не жизнь, а черт знает что. Даже если ты умеешь нападать, это ничего не меняет.

Не двигаясь с места, Рут стоит у пианино. Разглядывает салун, сравнивает день сегодняшний с днем минувшим. Тапер допивает виски, легонько трогая басы. Он

прежний, только слепой. Пианино? Кажется, новое. Судя по звуку, точно новое. Что еще?

Люстра кованая, старая.

Газовые рожки, латунный обод. Крепежные тросы, кольца. Финтифлюшки из стекла. Рут помнит эту люстру. Десять лет назад «Белая лошадь» была дыра дырой. Люстра символизировала претензии хозяина на грядущее процветание. Свечи? Угроза пожара. Светильники на стенах? Горячее масло капает на головы клиентов. Не хотите ли газовую люстру?! Рожки накалялись, лопались, стекло опять-таки летело клиентам на головы, но люди терпели, не жаловались. Чего не вытерпишь ради прогресса?!

Стол с рулеткой. Новый.

Два зеленых стола для игры в карты. Новые. Дальний пустует. За ближним скушает чернявый красавец лет тридцати, тасует колоду одной рукой. Волосы зализаны, блестят. Щеточка усов. Бархатный сюртук цвета свежей крови. Парчовый жилет. Из кармашка свешивается часовая цепочка дутого золота.

Шулер.

Рут его не интересуется, но шулер на всякий случай улыбается женщине. Как говорится, чтобы руку не сбивать.

За стойкой — пожилой бармен с лицом, похожим на мордочку хорька. У стойки — пьянчуги, завсегдатаи. Бармен ловко запускает стаканы, кружки и бутылки по гладкой поверхности дерева. Бармен старый, Рут узнает хорька. Пьянчуги тоже старые, эти всегда старые, даже если новые.

Она спускается с эстрады, садится за свободный стол. Подзывает разносчицу, шуструю толстуху.

— Кружку пива. И чего-нибудь поесть.

— Кукурузная каша. Бобы с мясной подливой, — толстуха барабанит, как по писаному. — Тушеная говядина. С овощами. Свежий хлеб.

— Кашу с говядиной.

— Пиво, каша, мясо. Сейчас будет.

Толстуху Рут помнит. Десять лет назад; минус сорок фунтов жира. Кажется, разносчица тоже помнит Рут. С другими клиентами она разговорчивей. А тут поджала губы, разве что не фыркает.

— Разрешите?

Она не обратила внимания, когда этот парень зашел в салун. Широкие плечи, длинные ноги. Румянец во всю щеку. Фланелевая рубашка, кожаная жилетка. Душа-парень, симпатяга. Такие чаще всего стреляют в спину.

На жилетке — звезда.

— Садитесь, шериф.

— Помощник шерифа, мэ. Джошуа Редман.

Рут молчит. Представиться в ответ? Нет, он тогда не отцепится. Здесь что, недостача шлюх? Или мальчик так стосковался по порядочным женщинам, что готов польститься на тощую задницу Рут Шиммер?!

— Джошуа Редман, — повторяет парень. — Вы меня не узнаете?

Рут молчит. Узнаёт.

Оглавление

Пролог	7
Часть первая	
НЕСЧАСТЬЕ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОГО КАЛИБРА	11
Часть вторая	
ВООБРАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ	93
Часть третья	
РЕВОЛЬВЕР И ГУБНАЯ ГАРМОШКА	183
Часть четвертая	
НОВАЯ БАНДА ДЖОШУА РЕДМАНА	273
Часть пятая	
БОЛЬШАЯ НЕУДАЧА	353
Эпилог на земле	434
Эпилог на небесах	442

Олди Генри Лайон

О 53 Черный ход : роман / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. : ил. — (Азбука-фэнтези).

ISBN 978-5-389-18548-7

Рут Шиммер носит два револьвера: один стреляет свинцом, другой — проклятиями и несчастными случаями. Револьверы Джошуа Редмана самые обычные, зато у него есть ангел-хранитель, а может, вовсе не ангел. Когда Рут и Джош встретились впервые, на парня упала тяжелая люстра. Дикий Запад, сэр, чего тут только не случается! Здесь разъездные агенты скупают у индейцев и китайских эмигрантов искры — крохотные бесполезные чудеса, а финансисты и промышленники вертят удачей, как чертовым колесом.

Старый Свет горит огнем. Он давно сошел с ума, став мало-пригодным для жизни. Зато Новый Свет еще держится! Весь изрытый черными ходами, как кротовыми норами, откуда лезет всякая пакость, Дикий Запад сдвигает шляпу на затылок и готов палить во все, что движется.

Что это там движется, сэр?

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ЧЕРНЫЙ ХОД

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.10.2020. Формат издания 84 × 108 ^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»: <http://www.oldieworld.com>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-FAF-27163-01-R